

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 96–103. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 96–103. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-96-103>

«И ТУТ НЕ БЕЗ ДЯДЮШКИ...» К ИСТОРИИ ТВОРЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И И.А. ГОНЧАРОВА

Мякинченко Мария Александровна, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия, maria.myakinchenko@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию литературных и биографических связей между коллизией первого романа Гончарова «Обыкновенная история» и конфликтом Достоевского с его опекуном П.А. Карепиным. Анализируя биографические материалы, автор выдвигает гипотезу о том, что Достоевский, встречаясь с Гончаровым во время работы последнего над «Обыкновенной историей», мог отчасти повлиять на создание основной коллизии и центральных образов романа. Отмечая сюжетные и образные сближения, автор статьи показывает и идейное различие Гончарова и Достоевского в представлении конфликта дядюшки и племянника – двух разных сознаний, мировоззрений и представителей двух разных поколений. Автор работы представляет значимые и интересные соответствия жизненного и творческого пути Гончарова и Достоевского, отмечая схожие литературные влияния, испытанные обоими писателями, а также указывает на салоны и литературные кружки, где они могли встретиться.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, И.А. Гончаров, П.А. Карепин, Петр Адуев, Александр Адуев, «Обыкновенная история», конфликт поколений

Для цитирования: Мякинченко М.А. «И тут не без дядюшки...» К истории творческих взаимоотношений Ф.М. Достоевского и И.А. Гончарова // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 96–103. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-96-103>

Research Article

“EVEN HERE YOUR UNCLE HAS BEEN OF USE TO YOU!” ON THE HISTORY OF CREATIVE RELATIONSHIPS OF FYODOR DOSTOEVSKY AND IVAN GONCHAROV

Maria A. Myakinchenko, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, maria.myakinchenko@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of literary and biographical connections between the collision of Ivan Goncharov's first novel “A Common Story” and the conflict between Fyodor Dostoevsky and his guardian Pyotr Karepin. Analysing biographical materials, the author hypothesises that Fyodor Dostoevsky, meeting with Ivan Goncharov, while the latter was working on “A Common Story”, could partly influence the creation of the main collision and central images of the novel. Noting the plot and figurative convergence, the author of the article also shows the ideological difference between Ivan Goncharov and Fyodor Dostoevsky in the presentation of the conflict between uncle and nephew – two different minds, worldviews and representatives of two different generations. The author of the work presents significant and interesting correspondences between the life and creative paths of Ivan Goncharov and Fyodor Dostoevsky, noting the similar literary influences experienced by both writers, and also points to salons and literary circles where they could meet.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Ivan Goncharov, Pyotr Karepin, Piotr Adouev, Alexandr Adouev, “Common Story”, generation gap.

For citation: Myakinchenko M.A. “Even here your uncle has been of use to you!” On the history of creative relationships of Fyodor Dostoevsky and Ivan Goncharov. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 96–103 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-96-103>

А то вообразят себя, бог знает с чего,
необыкновенными людьми, –
ворчал Петр Иванович, уходя вон.

И.А. Гончаров «Обыкновенная история»

Как указывает в своей работе «И.А. Гончаров и Ф.М. Достоевский» В.И. Мельник, «...до сих пор нет цельной картины творческих и биографических взаимосвязей двух писателей» [Мельник 2010: 52]. Не делая попыток сравнения творчества этих авторов, хотелось бы обратить внимание на сближение некоторых биографических аспектов жизни Достоевского и мотивов в творчестве Гончарова: на совпадение биографического контекста Ф.М. Достоевского и центральной коллизии первого романа И.А. Гончарова «Обыкновенная история». Тема эта малоисследована, но определенные основания для указанных параллелей существуют.

В биографиях Достоевского и Гончарова есть неожиданные сближения: так, в 1822 г. Гончаров был отдан матерью в Московское коммерческое училище, в создании и деятельности которого принимали участие родственники Достоевского купцы Куманины, пожертвовавшие в 20–30-х гг. XIX в. около 100 тыс. руб. на библиотеку и учебные кабинеты училища.

В 1831 г. Гончаров поступил на словесное отделение Московского университета, где в 1830-х гг. учились «будущие герои романов Достоевского» – Герцен и Станкевич. Студентами Московского университета в 1830-е гг. были и В.Г. Белинский, Н.П. Огарев, М.Ю. Лермонтов, К.С. Аксаков.

Возможно, что в это время у обоих писателей сформировалось преклонение перед гением Пушкина. Вспомним, как герой «Обыкновенной истории» Сашенька Адуев, очутившись в столице, первым делом отправился к Медному всаднику, мысленно сравнивая себя с пушкинским Евгением. «...Я <...> жаркий и неизменный поклонник Александра Сергеевича. Он с детства был моим идолом, и – только один он», – свидетельствовал писатель в письме к Е.А. и М.А. Языковым от 15 декабря 1853 г.» [Гончаров 1952–1955, 8: 263]. Впоследствии Гончаров вспоминал свои чувства, когда он получил известие о гибели Пушкина: «И вдруг пришли и сказали, что он убит, что его более нет... Это было в департаменте. Я вышел в коридор и горько-горько, не владея собою, отвернувшись к стенке и закрывая лицо руками, заплакал... Тоска ножом резала сердце, и слезы лились в то время, когда все еще не хотелось верить, что его уже нет, что Пушкина нет! Я не мог понять, чтобы тот, пред кем я склонял мысленно колени, лежал бездыханен. И я плакал горько и неутешно, как плачут по получении известия о смерти любимой женщины. Нет, это неверно – о смерти матери. Да! Матери...» [Кони: 491–492].

Примечательно, что Достоевский, будучи еще подростком, не раз заявлял старшему брату, что, если бы в год смерти Пушкина, тот страшный для их семьи год, им не пришлось бы носить траур по матери, он носил бы его по Пушкину [Достоевский А.М.: 78]. Преклонение перед гением русской литературы осталось у обоих писателей на всю жизнь. «Живее и глубже всех поэтов поражен и увлечен был Гончаров поэзией Пушкина в самую свежую и блистательную пору силы и развития великого поэта и в поклонении своем остался верен ему навсегда, несмотря на позднейшее тесное знакомство с корифеями французской, немецкой и английской литературы» [Гончаров 1952–1955, 8: 222], – писал в одной из своих автобиографий Гончаров.

Вспоминая свой круг чтения в отроческие годы, Гончаров отмечал, что «юношеское сердце искало между писателями симпатии и отдавалось тогда Карамзину по горячим его следам» [Гончаров 1952–1955, 8: 222]. Для подростка Достоевского Карамзин «был настольною книгой» [Достоевский А.М.: 71]. Позже оба писателя будут увлечены Шекспиром, Шиллером, Бальзаком, Гоголем. Адуев-младший обещает матери своей возлюбленной Наденьки принести расхваленную им «Шагреновую кожу» Бальзака, таким образом, у героя «Обыкновенной истории» тот же круг интересов, что и у молодого Достоевского, переводчика Евгении Грандэ.

Достоевский и Гончаров вступили на литературное поприще в 1840-е гг., почти одновременно. Оба посвящали все свое свободное от службы время литературным занятиям. И тот и другой, прежде чем приступить к собственному литературному творчеству, перевели: Достоевский – Бальзака, Гончаров – Шиллера. Оба прошли через литературный кружок В.Г. Белинского, и с незначительной разницей во времени критик был страстно увлечен и Гончаровым, и Достоевским как подающими надежды дарованиями.

Гончаров и Достоевский – авторы литературных сенсаций середины 1840-х гг. Романы «Бедные люди» и «Обыкновенная история» появились практически в одно время: в 1846 г. и в начале 1847 г. соответственно. П.В. Анненков вспоминал, что почти такое же настроение охватило Белинского <...> с рукописью «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова», как до этого с рукописью «Бедных людей» Достоевского: «Он с первого же раза предсказал обоим авторам большую литературную будущность, что было не трудно, но он еще предсказал, что потребуются им много усилий и много времени, прежде чем они наживут себе творческие идеи, достойные их таланта» [Анненков: 273].

Достоевский всю жизнь пристально следил за творчеством Гончарова, называя его в ряду своих любимых русских писателей. В начале творческого пути их отношения несколько походили на соперничество. Еще в апреле 1846 г. в письме брату Михаилу Достоевский рассказал ему о появлении новых писателей, из которых «особенно замечателен Герцен (Искандер) и Гончаров. 1-й печатался, второй начинающий и не печатавшийся нигде. Их ужасно хвалят. Первенство остается за мною покамест и надеюсь, что навсегда...» [Достоевский 28: 120].

Не избежали они и сравнений, данных современниками. Так, в 1847 г. Гончаров в статье Л.В. Бранта, размещенной в «Северной пчеле», назван новым литературным гением, «достойным преемником г.г. Голя и Достоевского <...>, из коих, как известно, один сам отказался от славы, а другому отказали в таковой публика и критика» [Летопись жизни: 132].

Писатели были не только лично знакомы, но и периодически встречались в кружке Белинского и в салоне Майковых. Как известно, летом 1835 г. Гончаров через своего сослуживца В.А. Солоницына познакомился с семьей живописца Н.А. Майкова, по приглашению которого начал вскоре готовить к поступлению в университет его детей, Аполлона и Валериана Майковых.

В то же время Гончаров стал часто, почти ежедневно, посещать литературный дом Майковых, «помосковски открытый для многочисленных родных и друзей» [Гродецкая: 16] и ставший после переезда Майковых из Москвы в Петербург «одним из самых заметных явлений в литературно-художественной жизни столицы» [Гродецкая: 16]. Здесь Гончаров был окружен всеобщей любовью, а за свои флегматичность и внешнее спокойствие получил нежное прозвище Принц де-Лень, образованное по аналогии с именем известного военного деятеля XVIII в., бельгийца, находившегося и на русской службе, принца де-Линя. Кроме того, Гончаров начал печататься в рукописном журнале кружка Майковых «Подснежник», на страницах которого помещали свои произведения не только сами Майковы, но и профессиональные литераторы, близкие к их кругу.

В конце зимы – начале весны 1846 г., судя по воспоминаниям Григоровича, Достоевский начал посещать кружок братьев Бекетовых, который также посещали А.Н. и В.Н. Майковы. Достоевский близко сошелся с А.Н. Майковым, с ним писатель познакомился ранее у Белинского и дружил, несмотря на некоторые периоды охлаждения, всю жизнь. А.Н. Майков привлек Достоевского к участию в литературном салоне Майковых во второй половине 1846 г., где Достоевский, как до него Гончаров, был тепло принят. У Майковых было заведено привечать и обогревать юные таланты. А.Н. Плещеев писал Майкову в апре-

ле 1888 г.: «Перебирая иногда в памяти далекое прошлое, я с особенным удовольствием останавливаюсь на той поре, когда я, еще начинающий, встретил в вашем семействе столько теплого участия и одобрения. Какое это было блестящее время в литературе! Обычными посетителями и друзьями вашего дома были И.А. Гончаров и Ф.М. Достоевский, читавшие у вас свои произведения» (принято считать, что Достоевский познакомился с Гончаровым у Майковых, но их встреча могла состояться и ранее) [Литературный архив: 135].

Время знакомства Достоевского с Гончаровым совпало со временем работы писателя над его первым романом «Обыкновенная история». Роман был задуман Гончаровым в 1844 г. и писался частями в 1845–1846 гг. В 1845 г., после прочтения набросков «Обыкновенной истории» в семье Майковых, Гончаров внес некоторые изменения в рукопись, прислушавшись к советам хозяев дома. «Такие чтения для не совсем уверенного в себе Гончарова имели принципиальное значение. После каждого чтения суждения слушателей анализировались, автором производился отбор мнений, и в текст произведения вносились коррективы. Но и романист, прекрасно чувствующий аудиторию, начинал и сам вносить правку. Точно так же он читал впоследствии и “Обломова”, и “Обрыв”, и даже свои поздние очерковые произведения», – отмечает В.И. Мельник [Мельник 2020: 138]. Затем с помощью Некрасова рукопись первой части романа была передана Белинскому. Кроме того, весной 1846 г. Гончаров читал первую часть «Обыкновенной истории» в кружке Белинского в доме Лопатина, который посещал и Достоевский. Однако нет никаких документальных подтверждений тому, когда был закончен роман.

Главным конфликтом первого романа Гончарова стало столкновение юного романтика с его «мечтательным и бесплодным романтизмом» [Анненков: 317] с человеком трезвым и «положительным». Темы романа «Обыкновенная история» вечные: отцы и дети, разум и чувство, утраченные иллюзии. Мечтатель и романтик Адуев-младший на протяжении всего романа ведет спор с практичным и трезвомыслящим дядюшкой Адуевым-старшим.

Любопытно, что как раз в то время, когда Гончаров работал над своим первым произведением, в жизни Достоевского, тоже юного мечтателя и романтика, произошло важное для всего его дальнейшего творчества событие, – конфликт с опекуном, мужем его младшей сестры Вареньки, Петром Андреевичем Карепиным. Нельзя не отметить тут сходство с коллизией, описанной Гончаровым в его «Обыкновенной истории», где дядюшка, деловой человек Петр Иванович Адуев – тезка П.А. Карепина – поучает юного, романтически настроенного племянника Сашеньку

Адуева и пытается обратить его на путь практической деятельности. Таким «дядюшкой» П.А. Карепин стал для Ф.М. Достоевского. Мироззренческие столкновения дяди и племянника Адуевых во многом схожи с таковыми же у Карепина с Достоевским.

Итак, в апреле 1840 г. младшая сестра Ф.М. Достоевского В.М. Карепина 17 лет от роду была выдана замуж за правителя канцелярии Московского военного генерал-губернатора, главноуправляющего имений князей Голицыных, надворного советника П.А. Карепина (1796–1850). Возрастом Карепин, который был значительно старше своей невесты, действительно скорее годился Достоевскому в дядюшки, нежели в зятя. В 1840 г., после смерти Михаила Федоровича Нечаева (брата матери Ф.М. Достоевского), П.А. Карепин, как ближайший родственник мужского пола, сделался опекуном над имением, оставшимся братьям и сестрам Достоевским после смерти родителей.

Следует отметить, что в начале «Обыкновенной истории» Адуеву-старшему, тоже собирающемуся вступить в брак, около сорока: Карепину, когда он женился на сестре Достоевского, было сорок четыре года – разница в возрасте жениха и невесты шокировала молодого Достоевского (впоследствии Карепин станет прототипом героев Достоевского – растлителей юных красавиц). Вспомним, что говорит Сашенька Адуев, узнав про предстоящую женитьбу своего дяди: «Услышишь о свадьбе, пойдешь посмотреть – и что же? видишь прекрасное, нежное существо, почти ребенка, которое ожидало только волшебного прикосновения любви, чтобы развернуться в пышный цветок, и вдруг ее отрывают от кукол, от няни, от детских игр, от танцев, и слава богу, если только от этого; а часто не заглянут в ее сердце, которое, может быть, не принадлежит уже ей. Ее одевают в газ, в блонды, убирают цветами и, несмотря на слезы, на бледность, влекут, как жертву, и ставят – подле кого же? подле пожилого человека, по большей части некрасивого, который уж утратил блеск молодости. Он или бросает на нее взоры оскорбительных желаний, или холодно осматривает ее с головы до ног, а сам думает, кажется: “Хороша ты, да, чай, с блажью в голове: любовь да розы, – я уйму эту дурь, это – глупости! у меня полно вздыхать да мечтать, а веди себя пристойно”, или еще хуже – мечтает об ее имени. Самому молодому мало-мало тридцать лет. Он часто с лысиною, правда с крестом, или иногда со звездой. И говорят ей: “Вот кому обречены все сокровища твоей юности, ему и первое биение сердца, и признание, и взгляды, и речи, и девственные ласки, и вся жизнь”. А кругом толпой теснятся те, кто по молодости и красоте под пару ей и кому бы надо было стать рядом с невестой. Они пожирают взглядами бедную жертву и как будто говорят: “Вот, когда мы истощим свежесть, здоровье, оплешивеем, и мы женим-

ся, и нам достанется такой же пышный цветок...”. Ужасно!» [Гончаров 1952–1955, 1: 77–78].

Вероятно, схожие чувства испытывал и юный Достоевский. Так, в рассказе 1848 г. «Елка и свадьба» делец Юлиан Мастакович (многие исследователи видят в этом герое «развитие образа, намеченного в Быкове в “Бедных людях”») [Нечаева: 235], прототипом которого был П.А. Карепин) подыскивает себе невесту на детском балу и выбирает девочку, «лет одиннадцати, прелестную, как амурчик, тихонькую, задумчивую, бледную, с большими задумчивыми глазами» [Достоевский 1972–1985, 2: 96], только что получившую в подарок куклу. Спустя несколько лет, проходя мимо церкви, рассказчик становится невольным свидетелем свадьбы Юлиана Мастаковича с той самой девочкой, которой теперь около шестнадцати лет (Вареньке Достоевской на момент замужества было семнадцать). Ужас, возмущение, жалость по отношению к ребенку-невесте, охватившие рассказчика, созвучны чувствам Сашеньки Адуева при известии о дядиной свадьбе. Достоевский рисует в «Елке и свадьбе» столь же «глубоко трагический облик юной невесты» [Нечаева: 233], как и ранее Гончаров: «Я протеснился сквозь толпу и увидел чудную красавицу, для которой едва настала первая весна. Но красавица была бледна и грустна. Она смотрела рассеянно; мне показалось даже, что глаза ее были красны от недавних слез. Античная строгость каждой черты лица ее придавала какую-то важность и торжественность ее красоте. Но сквозь эту строгость и важность, сквозь эту грусть просвечивал еще первый детский, невинный облик; сказывалось что-то донельзя наивное, неустановившееся, юное и, казалось, без просьб само за себя молившее о пощаде» [Достоевский 1972–1985, 2: 100–101].

Как мы уже упомянули выше, зовут опекуна Достоевского и главного героя «Обыкновенной истории» Адуева-старшего одинаково – Петрами. Это имя для Достоевского после конфликта с Карепиным навсегда приобрело негативные коннотации, а носителями его в творчестве писателя станут наиболее яркие антагонисты – Петр Александрович из «Нечистики Незвановой», Пётр Лужин, Пётр Верховенский. У Гончарова же имя героя, скорее всего, связывается с присущей Адуеву-старшему твердостью характера и убеждений (вспомним, что Пётр в переводе с древнегреческого – скала, камень).

При сопоставлении характеров, рода занятий и даже внешности Карепина и Адуева можно найти у них много общего. Пётр Иванович Адуев «служил при каком-то важном лице чиновником особых поручений и носил несколько ленточек в петлице фрака; жил на большой улице, занимал хорошую квартиру, держал троих людей и столько же лошадей» [Гончаров 1952–1955, 1: 25], а также владел с компаньонами стеклянными и фарфоровыми заводами. Что до внешне-

сти, это был «высокий, пропорционально сложенный мужчина, с крупными, правильными чертами смугло-матового лица, с ровной, красивой походкой, с сдержанными, но приятными манерами. Таких мужчин обыкновенно называют *bel homme*. В лице замечалась также сдержанность, то есть умение владеть собою, не давать лицу быть зеркалом души <...> Он слыл за деятельного и делового человека. Одевался он всегда тщательно, даже щеголевато, но не чересчур, а только со вкусом; белье носил отличное» [Гончаров 1952–1955, 1: 25–26]. Сохранилось свидетельство А.М. Достоевского, младшего брата писателя, который описывает П.А. Карепина так: «Мужчина лет сорока, или с шашечком, видный, выше среднего роста, стройный, очень красивый и развязный. Видно было, что ему не впервые входить в большой и богатый дом и что он постоянный и желанный гость как богатых, так и знатных многочисленных своих знакомых» [Достоевский А.М.: 106]. Карепин, как и Адуев-старший, прежде всего человек деловой, что подчеркивал и сам Достоевский в письме к Карепину: «Вы человек деловой!» [Достоевский 1972–1985, 28, кн. 1: 103], – писал он опекуну.

И Карепин, и Адуев – люди образованные. Адуев «знает наизусть не одного Пушкина...» [Гончаров 1952–1955, 1: 51], «читает на двух языках все, что выходит замечательного по всем отраслям человеческих знаний, любит искусства, имеет прекрасную коллекцию картин фламандской школы» [Гончаров 1952–1955. 1: 51], Карепин очаровывал всех своим «чисто парижским французским языком» [Достоевский А.М.: 107], был абонирован на различные журналы и, по всей видимости, обладал неплохой библиотекой, так как его жена В.М. Достоевская-Карепина, переехав после свадьбы на квартиру мужа, первый год после замужества взахлеб читала и щедро делилась с младшим братом Андреем книгами, принадлежавшими ее мужу.

Достоевский и опекун были в неплохих отношениях вплоть до августа 1844 г., когда Достоевский написал Карепину широко известное письмо с просьбой выделить причитающуюся ему часть наследства разом, до дележа с остальными братьями и сестрами, – письмо, положившее начало своеобразной эпистолярной дуэли между начинающим писателем и его взрослым родственником. Как уже было отмечено выше, суть этого конфликта очень схожа с главной коллизией «Обыкновенной истории» (любопытно, что роман, по словам самого Гончарова, был задуман как раз в 1844 г.).

Итак, юный Достоевский объяснил опекуну, что хочет навсегда оставить однообразную службу в Петербургской инженерной команде, которой с самого начала тяготился, и просил опекуна выделить ему причитающуюся ему часть наследства родите-

лей сразу, чтобы всецело посвятить себя литературным занятиям. «Спешу уведомить Вас, Петр Андреевич, – пишет он Карепину, – что по естественному и весьма неприятному ходу дел моих я принужден был подать в отставку. Просьба подана дней 10 тому назад; на нее последовало со стороны начальства соизволение. Высочайшее решение выйдет много что через две недели» [Достоевский 1972–1985, 28, кн. 1: 92]. Однако эта просьба возмутила опекуна. В ответном письме Карепин попытался отечески урезонить юного родственника. В начале сентября 1844 г. П.А. Карепин, «который как ответственный наставник братьев и сестер Достоевских видел свою задачу в том, чтобы поддержать волю покойного отца семейства» [Баршт: 339], отказал Достоевскому в просьбе выделить причитающуюся ему часть наследства. В ответном письме Карепин приводил расход денег на всех братьев Достоевских и указывал Ф.М. Достоевскому на то, что на его нужды было выслано больше, чем всем остальным братьям вместе взятым.

«Оставьте излишнюю мечтательность и обратитесь к реальному добру, которого Бог весть почему избегаете; примитесь за службу с тем убеждением, которому поверите по опыту, что сколь бы ни велики были наши способности, всё нужно еще при них некоторое покорство общественному мнению» [Волгин: 576], – взывал к юноше Карепин. Опекун пытался внушить юноше, что следует не предаваться грезам о литературном поприще, а приняться за службу, что «настоящая поэзия жизни» – в исполнении своего долга.

«Словно отвечая на самые сокровенные мысли своего подопечного о “тайне человека” (которую Достоевский стремился познавать всю оставшуюся жизнь, как писал он брату Михаилу. – М. М.), он назидательно рекомендовал познавать ее именно на казенных, служебных дорогах» [Сараскина: 122]. Кроме того, Карепин обвинил Достоевского в том, что тот «слишком мало дорожит трудами и заботами родителей», желая «сбыть на другой год выхода из школы» то, «что стоило им ценой жизни», и объяснял, что наследство, доставшееся братьям и сестрам, «миниатюрно» [Волгин: 575–576].

В том же письме от 5 сентября 1844 г. Карепин советовал Достоевскому не предаваться «неге Шекспировских мечтаний», а избрать дорогу «труда уважительного» [Волгин: 576]. «Именно Шекспир, по мнению Карепина, преграждал своим авторитетом путь его подопечного к правильной и счастливой жизни, которая ожидала его на военно-инженерной стезе. С другой стороны, имя Шекспира и для Достоевского было путеводной звездой, которая уводила его от рутинного бытового прозябания к литературному творчеству как сфере бытия, тождественной настоящей жизни» [Баршт: 346].

Александр Адуев, писавший и стихи, и прозу, по сути дела, такой же мечтатель, как и юный Достоевский. Он «чувствует призвание к творчеству» [Гончаров 1952–1955, 1: 55], а не к переводу технических статей, которые ему в качестве литературного занятия подкинул дядюшка. Служба для него – «занятие сухое, в котором не участвует душа, а душа жаждет выразиться, поделиться с ближними избытком чувств и мыслей, переполняющих ее» [Гончаров 1952–1955, 1: 55]. Ему, как и Достоевскому, присущи вера в блестящее незаурядное будущее, уверенность в своей исключительности, отличии от других людей, так как «поэт заклеивает особенною печатью: в нем таится присутствие высшей силы...» [Гончаров 1952–1955, 1: 56].

О том же писал двадцатилетний Достоевский брату Михаилу 27 февраля 1841 г.: «О брат! милый брат! Скорее к пристани, скорее на свободу! Свобода и призвание – дело великое. Мне снится и грезится оно опять <...> Передо мною системы Марино и Жилломе (системы фортификации, изучаемые в Инженерном училище. – М. М.) и приглашают мое вниманье. Мочи нет, мой милый» [Биография, письма].

Так же, как и Карепин, Адуев-старший видит свою обязанность по отношению к племяннику в том, чтобы отучить его мечтать, «теряя по-пустому время» [Гончаров 1952–1955, 1: 51], наставить на путь истинный, научить прежде всего «делать дело». «Уверен ли ты, что у тебя есть талант? – вопрошает Петр Адуев племянника. – Без этого ведь ты будешь черноработчий в искусстве – что ж хорошего? Талант – другое дело: можно работать; много хорошего сделаешь, и притом это капитал – стоит твоих ста душ» [Гончаров 1952–1955, 1: 55].

Заходит и у Адуевых разговор о Шекспире. Дядя замечает, что «присутствие высшей силы» [Гончаров 1952–1955, 1: 56] есть не только у Шекспира и Данте, но и у математика, часовщика, заводчика. «Ньютон, Гутенберг, Ватт так же были одарены высшей силой, как и Шекспир, Дант и прочие», ведь «искусство само по себе, ремесло само по себе, а творчество может быть и в том и в другом, так же точно, как и не быть. Если нет его, так ремесленник так и называется ремесленник, а не творец, и поэт без творчества уж не поэт, а сочинитель» [Гончаров 1952–1955, 1: 56]. У каждого своя стезя: «Всякому свое: одному суждено витать в небесных пространствах, а другому рыться в наземь и оттуда добывать сокровища» [Гончаров 1952–1955, 1: 172].

Адуев-младший отдает дядюшке на суд свою рукопись в надежде, что дядя переменит свое мнение и признает за племянником право отдаться литературному призванию. Однако дядя по прочтении лишь убеждается в отсутствии подлинного таланта у Александра, который может лишь гладко писать, но не бо-

лее. Литературные опыты Александра оказываются «пустяками», годными лишь для того, чтобы обклеить ими стены.

Кто бы мог осудить заботливых мудрых «дядюшек» за их желание объяснить юным родственникам, что избыток душевных сил, которые юноши в себе чувствуют, напрасно принимаются ими за талант; за желание внушить юношам, что «прожить век свой тихо, безвестно, исполнить только свое дело» – достаточное основание для того, чтобы человек мог «быть горд и счастлив этим» [Гончаров 1952–1955, 1: 178]. А опекуна Достоевского кто бы мог судить еще и за то, что он не смог разглядеть в своем подопечном гения, будущего великого писателя, распознать в нем подлинный литературный талант?

Карепин был уже оправдан исследователями творчества Достоевского: «Заметим бесспорную житейскую правоту Карепина, когда он говорит о юридической и моральной невозможности передачи Достоевскому части наследства» [Баршт: 349]; «...на месте Карепина подобные советы молодому человеку, презревшему отменное образование и служебную карьеру ради эфемерностей, дал бы любой старший родственник» [Сараскина: 122–123]. Карепин оказался фактически единственным взрослым – носителем здравого смысла – для оставшегося без родителей юноши, единственным взрослым, пытавшимся вернуть молодого мечтателя с небес на землю.

Александр Адуев со временем перестал видеть в дядюшке пушкинского демона, а вот для пылкого юноши Достоевского эпистолярная перепалка с Карепиным превратилась в «борьбу <...> за возможность творческого самоосуществления» [Баршт: 339]. «В широком смысле эта жизненная ситуация – утверждение своего права быть писателем» [Сафронова: 40]. Столкновение Достоевского с Карепиным было, по сути, конфликтом двух мировоззрений, двух несовместимых жизненных моделей, и Достоевский приобрел тут немалый жизненный опыт, позже творчески переработанный им в первом романе «Бедные люди», а затем – в «Неточке Незвановой», «Преступлении и наказании», «Подростке», «Братьях Карамазовых» и др.

Поразительное сходство творческих и биографических коллизий у Гончарова и Достоевского позволяет сделать предположение, что образ Адуева-старшего мог сложиться у Гончарова в том числе и под влиянием рассказов юного Достоевского о его отношениях с опекуном П.А. Карепиным, которыми Достоевский вполне мог поделиться в салоне Майковых или у Белинского, вольно или невольно затронув тем самым вопросы, которые в то время ставил перед собой Гончаров. Вспомним, что Достоевский в те годы не отличался особенной сдержанностью: «По молодости и нервности, он не умел владеть собой и слишком

явно высказывал свое авторское самолюбие и высокое мнение о своем писательском таланте. Ошеломленный неожиданным блистательным первым своим шагом на литературном поприще и засыпанный похвалами компетентных людей в литературе, он, как впечатлительный человек, не мог скрыть своей гордости перед другими молодыми литераторами, которые скромно выступили на это поприще с своими произведениями» [Панаева: 148–149]. Со своей стороны Гончаров также не скрывал «работы ума и души» своих от окружающих и с готовностью делился ее плодами в том же кружке Майковых: «он должен был идти на обмен мыслями и переживаниями в артистической среде» [Мельник 2020: 129].

Итак, размышляя о явлениях и схожих образах, отвечая вызовам времени, Гончаров и Достоевский оценивали их по-разному, исходя из собственной творческой и мировоззренческой концепции. У Достоевского Карепин явился прародителем героев наиболее отрицательных, от Быкова и до Лужина, у Гончарова дядюшка оказался в итоге в чем-то даже симпатичнее племянника, а та же жизненная коллизия, что явилась у Достоевского творческим зачином для разработки отношений Раскольникова и Лужина, Лужина и Авдотьи Андреевны и т. д., представлена скорее как традиционный конфликт поколений отцов и детей, оказываясь в конечном итоге тем, чем она и являлась, – историей обыкновенной. Отметим, что образ Петра Ивановича Адуева был понят Достоевским отчасти неверно. В «Записках из подполья» Достоевский сближает Адуева с гоголевским Костанжогло, осмысливая их как дурно понятый «положительными публицистами» идеал положительного героя [Достоевский 5: 126]. Не был оправдан в глазах Достоевского и его собственный опекун П.А. Карепин. Понять мотивы опекуна и примириться с ним судьба не предоставила писателю возможности: они так и не встретились.

Список литературы

- Анненков П.В. Литературные воспоминания. М.: Худ. лит., 1983. 694 с.
- Барит К.А. Письмо П.А. Карепина к Ф.М. Достоевскому от 5 сентября 1844 г.: исправленный текст // Достоевский: материалы и исследования. 2019. № 22. С. 339–357.
- Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. СПб., 1883. Отд. II. С. 21–22.
- Волгин И.Л. Хроника рода Достоевских. М.: Фонд Достоевского, 2013. 1222 с.
- Гончаров И.А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худ. лит., 1952–1955.
- Гончаров И.А. Фрегат «Паллада» / изд. подгот. Т.И. Орнатская. Л.: Наука, 1986. 879 с.
- Гродецкая А.Г. Гончаров в литературном доме Майковых. СПб.: Полиграф, 2021. 430 с.
- Достоевский А.М. Воспоминания. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 402 с.
- Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1985.
- Кони А.Ф. Иван Александрович Гончаров: Речь в заседании Академии наук 15 апреля 1912 г. СПб.: СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1912. 22 с.
- Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. СПб.: Академический проект, 1993.
- Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л.: АН СССР, 1961. 484 с.
- Мельник В.И. И.А. Гончаров и Ф.М. Достоевский // Вестник славянских культур. 2010. № 1 (15). С. 51–63.
- Мельник В.И. «Крупный, мыслящий и осмысливающий синтез...» (Возникновение замысла романной трилогии И.А. Гончарова) // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 3. С. 118–199. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-118-199>
- Нечаева В.С. Ранний Достоевский. М.: Наука. 1979. 290 с.
- Панаева А.Я. Воспоминания. М.: Правда, 1986. 508 с.
- Сараскина Л.И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2013. 824 с.
- Сафронова Е.Ю. Проблема правового жизнетекста Ф.М. Достоевского: дело с П.А. Карепиным // Культура и текст. 2016 (26). № 3. С. 107–113.

References

- Annenkov P.V. *Literaturnye vospominaniia* [Literary memories]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1983, 694 p. (In Russ.)
- Barsht K.A. *Pis'mo P.A. Karepina k F.M. Dostoevskomu ot 5 sentiabria 1844 g.: ispravlennyi tekst* [Letter to P.A. Karepin to F.M. Dostoevsky, September 5, 1844: revised text]. *Dostoevskii: materialy i issledovaniia* [Dostoevsky: materials and research], 2019, № 22, pp. 339–357. (In Russ.)
- Biografiia, pis'ma i zametki iz zapisnoi knizhki F.M. Dostoevskogo* [Biography, letters and notes from F.M. Dostoevsky]. St. Petersburg, 1883, otd. II, pp. 21–22. (In Russ.)
- Volgin I.L. *Khronika roda Dostoevskikh* [Chronicle of the Dostoevsky family]. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2013, 1222 p. (In Russ.)
- Goncharov I.A. *Sobr. soch.: v 8 t.* [Complete works: in 8 volumes]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1952–1955. (In Russ.)
- Goncharov I.A. *Fregat "Pallada"* [Frigate "Pallada"], ed. prepare T.I. Ornatskaya. Leningrad, Nauka Publ., 1986, 879 p. (In Russ.)
- Grodetskaia A.G. *Goncharov v literaturnom dome Maikovykh* [Goncharov in the literary house of the Maykovs]. SPb, Poligraf Publ., 2021, 430 p. (In Russ.)
- Dostoevskii A.M. *Vospominaniia* [Memories]. St. Petersburg, Andreev i synov'ia Publ., 1992, 402 p. (In Russ.)

Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

Koni A.F. *Ivan Aleksandrovich Goncharov: Rech' v zasedanii Akademii nauk 15 apreliia 1912 g.* [Ivan Alexandrovich Goncharov: Speech at a meeting of the Academy of Sciences on April 15, 1912]. St. Petersburg, Spb. t-va pech. i izd. dela “Trud” Publ., 1912, 22 p. (In Russ.)

Letopis' zhizni i tvorchestva F.M. Dostoevskogo [Chronicle of the life and work of F.M. Dostoevsky]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993. (In Russ.)

Literaturnyi arkhiv: Materialy po istorii literatury i obshchestvennogo dvizheniia [Literary archive: Materials on the history of literature and social movement]. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1961, 484 p. (In Russ.)

Mel'nik V.I. *I.A. Goncharov i F.M. Dostoevskii* [I.A. Goncharov and F.M. Dostoevsky]. *Vestnik slavianskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2010, № 1 (15), pp. 51–63. (In Russ.)

Mel'nik V.I. “*Krupnyi, mysliaishchii i osmyslivaiushchii sintez...*” (*Vozniknovenie zamysla romanoii trilogii I.A. Goncharova*) [“A large, thinking and comprehending synthesis...” (The origin of the idea of the novel

trilogy by Ivan Goncharov)]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of the Russian classics], 2020, vol. 2, № 3, pp. 118–199. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-118-199> (In Russ.)

Nechaeva V.S. *Rannii Dostoevskii* [Early Dostoevsky]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 290 p. (In Russ.)

Panaeva A.Ia. *Vospominaniia* [Memories]. Moscow, Pravda Publ., 1986, 508 p. (In Russ.)

Saraskina L.I. *Dostoevskii* [Dostoevsky]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2013, 824 p. (In Russ.)

Safronova E.Iu. *Problema pravovogo zhizneteksta F.M. Dostoevskogo: delo s P.A. Karepinym* [The problem of the legal life text of F.M. Dostoevsky: the case with P.A. Karepin]. *Kul'tura i tekst* [Culture and text], 2016 (26), № 3, pp. 107–113. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.03.2021; одобрена после рецензирования 16.04.2021; принята к публикации 10.05.2021.

The article was submitted 18.03.2021; approved after reviewing 16.04.2021; accepted for publication 10.05.2021.